Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Издательство Москва, Граница, 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

Село Халактырка, 5 ноября 1952 года, около 7 часов утра

Председатель сельсовета Николаев, прижимая к уху телефонную трубку, не отводил глаз от океана.

Почти половина из трех десятков семей, проживавших в Халактырке, считали себя прямыми потомками основателей села, возникшего в конце XIX века. Старожилы, в отличие от пришлых, хорошо знали, чем опасно землетрясение вблизи морского берега. Они-то и не позволили новоселам, после того как земля перестала качаться под ногами, вернуться в покинутые дома. Посоветовали захватить все самое ценное, выгнать из сараев скотину и отправиться на возвышенность. Но сборы затянулись. Когда океан начал отступать от берега, готовясь выбросить на пляж свою убийственную волну, бабы,

распознавшие приближающуюся опасность, заголосили, вслед за ними заплакали дети. Тревога людей передалось скоту. Животные, повинуясь инстинкту, бросились за своими хозяевами, устремившимися к сопкам, которые от села отделяла небольшая речушка спокойная и неглубокая, если не бушевали циклоны. Там, за деревянным мостом, было спасение.

Но волна надвигалась быстрее, чем бежали люди. Ревущая вода наступала не только со стороны океана. Ворвавшись в русло реки, океан в мгновение повернул ее движение вспять, вмиг превратив ранее спокойное течение в ревущий, рушащий и убивающий все на своем пути поток. Он подхватил мост и, подбрасывая на волнах, как пушинку, унес с огромной скоростью. Люди и животные оказались в западне: по ним прокатилась убийственная волна. Но на халактырский пляж обрушилось относительно невысокое цунами. Как указывалось в телеграмме П. Н. Соловьева, до пяти метров.

Только это и спасло жителей села. Жертв, впрочем, избежать не удалось. Погибли три человека – двое взрослых и ребенок. Часть села лежала в руинах…

В первые секунды после того, как волна ушла, среди людей царило оцепенение, потом началась паника. Люди метались от ревущей реки к бушующему океану, в поисках безопасного места, но повсюду натыкались на следы недавнего наводнения. Председатель сельсовета Николаев, хоть и пытался успокоить односельчан, но, чувствуя свою беспомощность, не смог оказать людям поддержку. В уцелевшие здания люди из-за опасения, что наводнение может повториться, заходить боялись.

Прошло, наверное, не менее получаса до того, как Николаев решил попытаться дозвониться до города. К телефону, установленному в сельсовете, шел без особой надежды, что телефонная линия уцелела. Но аппарат работал. Председатель сельсовета Николаев, прижимая к уху телефонную трубку, не отводил глаз от океана, но очевидных признаков приближения второй волны не наблюдалось.

Наконец на том конце провода откликнулись. Вначале телефонистка, получившая распоряжение не загружать линию, не хотела соединять Николаева с горисполкомом, и лишь после того, как он, то крича, то переходя на умоляющий шепот, рассказал о том, что произошло в селе, телефонистка сдалась. В горисполкоме председателю халактырского сельсовета твердо пообещали: «Помощь будет!» С этим известием Николаев поспешил к односельчанам.

Пока он звонил, председатель местной промысловой артели имени В. И. Ленина Михаил Трофимович Скоромохов сумел не только немного успокоить односельчан, но и послать мужчин на поиски продуктов и сухих дров для костров…

Через несколько минут о трагедии в Халактырке узнали в обкоме. Около получаса потребовалось, чтобы собрать несколько грузовиков, две кареты скорой помощи и направить их в Халактырку.

Во главе колонны двигалась «Победа», в которой находились председатель облисполкома А. Ф. Спасенных и второй секретарь обкома В. И. Алексеев. В состав спасателей вошел оперуполномоченный УМГБ младший лейтенант госбезопасности Иван Маркович Ефремов. Одновременно связались с пограничниками заставы «Маяк», расположенной ближе всего к Халактырке, и попросили их прислать в село людей.

К тому времени в областном управлении Министерства государственной безопасности, которое в тот период включало в себя не только собственно чекистские органы, но и милицию, также создали комиссию по ликвидации последствий землетрясения и оказанию помощи пострадавшим. Возглавил ее А. Е. Черноштан. Заместителем назначили начальника отделения кадров УМГБ майора госбезопасности Павла Ивановича Лунина…

К тому месту, где некогда находился мост, соединявший Халактырку с Большой землей, спасатели из города и пограничники добрались почти одновременно. Свет автомобильных фар приближавшихся колонн не остался незамеченным и жителями села. Спасателей и пострадавших разделял ревущий поток. Жители Халактырки, поняв, что приехавшие им на помощь автомобили переправиться через бурлящую реку не могут, пришли в отчаяние. Плач детей и причитания женщин почти перекрывали рев потока.

На вышедшего вперед Спасенных поначалу никто не обратил внимание. К счастью, где-то нашелся рупор, и уже через него, крича во всю мощь легких, Алексей Федорович смог привлечь к себе внимание: «Я председатель облисполкома Спасенных! Не отчаивайтесь! Помощь уже близка!»

Он не лукавил. Во время короткого совещания на берегу ревущего потока удалось найти выход из ситуации.

Неподалеку от Халактырки располагался инженерно-саперный полк из состава расквартированного на Камчатке 137-го стрелкового корпуса, которым командовал Виктор Казимирович Урбанович. Кстати, в недавнем прошлом – пограничник.

Великую Отечественную встретил в должности заместителя начальника отдела боевой подготовки ГУПВ НКВД. Генерал-фронтовик сам привел инженерную колонну, состоявшую из понтонного парка и нескольких автомобилей-амфибий.

С появлением саперов плач на той стороне потока прекратился. Не требовавшие понуканий бойцы и командиры действовали быстро. Они собрали мост, перекрыв все существующие временные нормативы. Но едва цепь понтонов соединила берега, как поток, буквально на глазах, начал ослабевать, и вскоре успокоившаяся река потекла в привычном направлении.

Медики оказали нуждающимся помощь, военные развернули полевые кухни. Запах гречневой каши со свиной тушенкой, аромат свежевыпеченного ржаного хлеба заставили жителей Халактырки вспомнить, что они не ели с прошлых суток. Горячая еда, установленные солдатами Урбановича палатки и уверенность, что никто не собирается покидать попавших в беду людей, успокоили сельчан. Когда им предложили эвакуироваться в областной центр, они отказались: куда им ехать от нажитого хозяйства, от могил мирно почивших предков и тех, кто покинул наш мир вне срока…

Мыс Шипунский, 5 ноября 1952 года, полдень

Федор Белошицкий радостно удивлялся тому, как ладно сидели на его ногах импровизированные опорки. Мелькнула мысль: «Не забылась наука старшины, как с обмотками управляться». Шел Федор быстро. Иногда там, где позволяла дорога, переходил на бег. Ноги слегка скользили по недавно выпавшему снегу, поэтому пришлось потратить минут двадцать на поиск крепкой березовой палки. Опираясь на нее, идти было легче. Белошицкий прикинул, что часов за пять успеет дойти до метеорологов. Он хотел верить в лучшее, полагая, что все самое страшное и удручающее

осталось позади.

Судьба припасла Федору Белошицкому еще немало неприятных сюрпризов как на пути к метеопосту, так и в последующей жизни.

Со временем он вернулся к прежнему занятию – выходил в море на промысел зверя. Привел жену в отстроенный заново дом на берегу бухты Моржовой. И ему, как очень немногим жителям Камчатки, довелось пережить цунами дважды.

Одно произошло 24 мая 1960 года.

Цунами вызвало землетрясение, произошедшее у берегов Чили. На Южную Америку обрушились волны высотой до 20 метров. Они разрушили там десятки городов и населенных пунктов.

А спустя 21–22 часа цунами достигло берегов советского Дальнего Востока. Здесь его максимальная высота не превышала семи метров. И вновь цунами обрушилось на поселок в бухте Моржовой…

Утром 25 мая Федор Белошицкий собирался на охоту. Накануне он выследил медведя и теперь собирался добыть его. Охотник проснулся, едва рассвело. Сидя у окна, обращенного к океану, он докуривал беломорину, когда заметил, что океан начал отступать от берега. Вода отошла от берега метров на триста. Тогда, в 1960 году, он уже знал, что последует далее.

Белошицкий поспешно разбудил жену. Захватив карабин, теплую одежду, он выбежал на пляж, чтобы предупредить соседей. В этот раз в бухте Моржовой цунами никого не застало врасплох. Все жители успели укрыться на возвышенном месте. В мае 1960 года вода, по воспоминаниям Белошицкого, подступала медленно, как во время паводка. Пришло пять больших волн. Последняя – самая высокая. До людей она не добралась, но дом Белошицкого смыла. В море его жилище не унесло только по счастливой случайности: дом зацепился за натянутую веревку, на которой сушили белье, она и

удержала избу.

По словам Белошицкого, аномальные колебания воды продолжались до 28 мая. Но эти события еще впереди.

Пока же Федор продолжал свою миссию, от успеха или неудачи которой зависели жизни людей, оставшихся в бухте Моржовой.

Петропавловск-Камчатский, 5 ноября 1952 года, день

Новости одна чернее другой налетали лавиной.

Когда в 5 часов 20 минут стало известно о трагедии в селе Налычево, областная комиссия в Петропавловске обязала находившихся на юго-восточном побережье Камчатки пограничников обследовать расположенные вблизи их населенные пункты. Пока докладов от «зеленых фуражек» не поступало.

В седьмом часу позвонили из порта. Сообщили, что с парохода «Красногорск», находившегося на траверзе Северо-Курильска, получена аварийная радиограмма. В ней капитан Белов сообщал: «Результате землетрясения в Северо-Курильске город ушел под воду. Суда, находящиеся в районе Северных Курил, прошу немедленно следовать в С.-К. для спасения людей».

Вслед за этим в обком позвонил начальник войск Камчатского пограничного округа МГБ СССР полковник Гурий Константинович Здорный. Его информация подтвердила сообщение капитана «Красногорска». Узел связи 109-го пограничного отряда, штаб которого находился в Северо-Курильске, и весь пограничный городок, предусмотрительно построенный на возвышении, от цунами не пострадали.

Солдаты, офицеры и члены их семей до рассвета, как и остальные уцелевшие жители

Северо-Курильска, находились на сопках. Но едва океан успокоился, начальник отряда полковник В. А. Агеев связался по радио с подразделениями границы, с которыми сохранилась связь, а затем направил в штаб округа шифрованное донесение. В нем офицер подробно рассказал о том, что произошло на Северных Курилах. Полковник Г. К. Здорный довел ее до Камчатского обкома.

После этого П. Н. Соловьев сообщил секретарю Хабаровского крайкома А. П. Ефимову: «Не дожидаясь каких-либо указаний, нами немедленно были приняты меры на месте. Всем пароходам Камчатско-Чукотского пароходства, находящимся вблизи Северо-Курильска, дан приказ идти на спасение людей. Все пароходы, находящиеся в порту, также были подготовлены к выходу на спасательные работы, была организована и все время велась разведка самолетами авиакорпуса генерала Грибакина.

Для руководства и связи была выслана на самолетах группа под руководством генерала Урбановича. Для оказания первой помощи направлена транспортная авиация.

После уточнения обстановки на Северных Курилах, а именно на островах Парамушир, Шумшу, Онекотан, Мацува были подготовлены и частично вышли для спасения людей корабли военной флотилии, Камчатско-Чукотского и Дальневосточного пароходств и флота Главкамчатрыбпрома в количестве 27 единиц, способные поднять на борт до 20 тысяч человек.

Для организации питания на каждый корабль было погружено по три тонны муки и других продуктов. Для оказания медицинской помощи на месте выслано 24 врача с медикаментами. Для обеспечения одеждой был подготовлен пароход «А. Серов». Руководство по использованию кораблей возложено на контр-адмирала Пантелеева, который ушел в район Северо-Курильска.

Организацией всей работы руководила областная комиссия. Оперативный штаб вплоть до указания т. Василевского находился в обкоме КПСС. Через каждые 2 часа 5 ноября в обкоме КПСС собиралось все командование, где докладывалось об обстановке и принятых мерах, согласовывались действия и принимались решения, обязательные для всех.

В транспортном отделе обкома КПСС под руководством заведующего отделом т. Мельникова были сосредоточены все связи со всеми судами, находящимися на спасательных работах, и имелась полная информация положения дел на местах.

6 ноября с. г. было получено указание Маршала Советского Союза т. Василевского о порядке эвакуации населения с Северо-Курильских островов, и наша областная комиссия стала обеспечивать проведение лишь тех работ, которые отнесены к ее компетенции, главным образом по направлению судов, приему пострадавших и реэвакуации их по назначению».

Далее словно открылся ящик Пандоры: новости одна чернее другой налетали лавиной. Начальник заставы «Жировая» майор Василий Харитонович Климович, посетив поселки с одноименными названиями в бухтах Большой Жировой и Малой Жировой, видимо, пришел в ужас, иначе трудно объяснить панический тон его телеграммы: «Большая Жировая – спаслось 40 человек, погибло неточно около 100 человек. Малая Жировая – спаслось 26 человек, погибло 40 человек, трупы подобраны. Население просит помощи».

К счастью, майор ошибся. В Большой Жировой погибло значительно меньше жителей.

В экстренном порядке туда послали находившийся в море рефрижератор № 173 Главкамчатрыбпрома. Судно вело на буксире катер и кунгас и входило в бухту уже в темноте при сильном встречном ветре и обильном снегопаде, который ограничивал видимость 50–60 метрами.

До этого капитан рефрижератора Чуприн радировал, что едва не натолкнулся на уносимый в море барак. Людей в нем моряки не заметили.

На берегу Малой Жировой удалось быстро найти директора местного рыбзавода Ивана Трофимовича Ковтуна. Он потерял двухлетнюю дочь.

Наверное, личное горе не позволило директору сделать многое из того, чего ждали от него односельчане как от руководителя. Оказавшись на рефрижераторе, Ковтун

радировал в Петропавловск: «Малая Жировая совершенно снесена, имеется жертв примерно 40–50 человек. Большой Жировой также нет. Снесены все жилые постройки, имеются жертвы, примерно 40 человек. Прошу срочно направить катер с ботами, подбросить продовольствие Большую Жировую, собрать трупы, вещи…»

В поселок Ковтун не вернулся. Отправился вместе с рефрижератором № 173 в Петропавловск-Камчатский. Судно взяло на борт 36 человек в Малой Жировой и 46 – в Большой Жировой и отбыло в областной центр. Там срочно готовили повторную спасательную экспедицию в разрушенные стихией бухты на буксирном катере рыбного порта «Санников».

Возглавил ее заместитель председателя Камчатского облисполкома С. Ягодинец.

В ее состав вошел и начальник 1 отделения 2 отдела УМГБ майор госбезопасности Артем Калистратович Карпов. Как говорится в справке А. Е. Черноштана о сотрудниках УМГБ и милиции, отличившихся при выполнении заданий по ликвидации последствий землетрясения и оказанию помощи пострадавшим, Карпов «добросовестно выполнил задание руководства по обследованию бухт Жировая, Вилюй и Саранная. Подготовил подробную справку о жертвах и причиненном ущербе населенным пунктам в этих бухтах. Совместно с другими лицами принимал активное участие в спасении имущества и государственных ценностей».

Еще до того как спасательная экспедиция отправилась в бухту Жировую, областная комиссия предприняла попытку эвакуировать из района бедствия уцелевших жителей села Налычево. О том, что они нуждаются в помощи, сообщил начальник местной пограничной заставы капитан А. В. Елисеев.

Село Налычево, 7 ноября, около 11 часов

Четверка матросов, усадив на плечи ребятишек и держась за натянутый канат, неторопливо потянулась к качавшемуся на волнах десантному кораблю. Взрослые пока не покидали берег, напряженно следя за героической попыткой военных моряков спасти их детей…

До катастрофы в селе Налычево проживали 39 человек. Взрослые в основном трудились в промысловой артели имени В. И. Ленина, центральная усадьба которой располагалась в Халактырке. До Налычево телефонная связь пока еще не дотянулась. Если возникала в чем-либо срочная необходимость, посылали нарочного или обращались на пограничную заставу, которая имела радиостанцию.

Той трагической ночью растерянные, испуганные, дрожавшие от холода жители Налычево после того, как шипящие пенные языки цунами скатились в океан, унося с собой все, что удалось ухватить у села, также бросились к пограничной заставе, стоявшей на возвышенности. В селе уцелели всего два дома, но и по ним прокатилась смертоносная волна, поэтому никто не рискнул спасаться от стихии и холода в устоявших избах. Потерявшие родных и близких еще несколько раз возвращались на берег в надежде на чудо. Но трупов пятерых погибших они не нашли до самой эвакуации, которая произошла только 7 ноября. Лишь спустя несколько дней океан выбросил на берег тела утонувших. В поселке Налычево жертвами цунами стали четверо детей и пожилая женщина…

На заставе беженцев разместили с максимальными для них удобствами. Накормили. Внештатный санинструктор оказал первую помощь нуждавшимся в ней.

О трагедии поселка начальник заставы капитан Елисеев сообщил в штаб Камчатского отряда. Вскоре о жертвах и разрушениях в Налычево узнали в областной чрезвычайной комиссии. Там, учтя недавний опыт спасения жителей Халактырки, в колонну спасателей сразу же включили армейские грузовики повышенной проходимости и автомобили-амфибии. Но в этот раз и они оказались бесполезными.

Цунами, прокатившееся по низкому пляжу далеко вглубь суши, размыло несколько сотен метров насыпной дороги и превратило и без того заболоченную местность в настоящую трясину, непроходимую для любого транспорта. Подойти к спасателям не смогли и нуждавшиеся в помощи люди. Заставу, на которой они находились, от колонны грузовиков и амфибий, кроме километров болота, отделяли три разлившиеся реки. Преодолеть их не представлялось возможным.

Жителей Налычево решили эвакуировать с заставы морским путем. До подхода судна

капитан Елисеев получил указание обеспечивать пострадавших всем необходимым, в том числе одеждой и обувью. Конечно, солдатское белье, гимнастерки и кирзовые сапоги не самый лучший вариант экипировки, особенно для женщин, но когда другой одежды и обуви нет, а люди дрожат от холода, то и такая помощь воспринимается как подарок судьбы.

Судно для эвакуации потерпевших смогли направить только во второй половине дня следующих суток. Такому промедлению с организацией морской спасательной экспедиции, возможно, были причины. Большинство судов, находившихся в порту Петропавловска, отправились на Северные Курилы. К этим островам ушли пароходы Камчатско-Чукотского и Дальневосточного пароходств «Корсаков», «Каширстрой», «Уэлен», «Маяковский», «Хабаровск», суда Главкамчатрыбпрома «Чапаев», «А. Серов», СТР «Камчатский комсомолец», СТРы № 645, № 649, № 663, № 669, «Беркут», «Тихоокеанская звезда» и «Механик Лессовой». Камчатская военная флотилия направила к Парамуширу эсминцы «Быстрый» и «Выносливый». Часть судов областная чрезвычайная комиссия отправила на обследование восточных берегов Камчатского полуострова. Кроме того, любому судну и кораблю для выхода в море требовалось время.

Как бы то ни было, а десантный корабль Камчатской военной флотилии с бортовым номером 104 под командованием старшего лейтенанта Зуева около 21 часа 6 ноября подошел к мысу Налычево, на котором располагался пограничный пост. Корабельный прожектор осветил несколько вышедших на берег человек. У них моряки попытались узнать, где находятся пострадавшие из поселка Налычево.

Из-за широкой отмели корабль не смог подойти к берегу ближе, чем на 50 метров. Но и это расстояние не позволило пограничникам и морякам расслышать друг друга. Угрюмый океан, не успокаиваясь, без передышки насылал на черный вулканический пляж громадные валы. В их реве расслышать что-либо было решительно невозможно.

В каюте Зуева собрались на совещание офицеры корабля, старший перехода командир дивизиона десантных кораблей капитан 2 ранга Пивень и представитель областной чрезвычайной комиссии секретарь партколлегии при обкоме КПСС Артеменко.

Иного выхода, кроме как высаживаться на берег, не нашли. На шлюпке при высокой волне сделать это никто не рискнул. Решили действовать старым способом, часто

выручавшим еще моряков парусного флота, застигнутых бедой, – выбираться на берег, держась за натянутый канат. Глубина, немногим более метра, на которой покоился на грунте нос десантного корабля, позволяла совершить задуманное. Идти вызвались помощник командира корабля лейтенант Н. С. Кузнецов и Артеменко.

Пограничники, когда им перебросили тонкую веревку, утяжеленную грузом, к которой крепился толстый канат, тут же поняли, что от них требуется. Они прочно закрепили трос на берегу. Следующий ход должны были сделать на корабле…

Вместо гидрокостюмов, о существовании которых в те времена практически не подозревали, Кузнецов и Артеменко обрядились в прорезиненные полукомбинезоны морского защитного комплекта. Жутковато было спускаться по шторм-трапу в бурлящую темную воду. И хотя боцман уверял, что глубина за бортом всего 1 метр 30 сантиметров, сердце Артеменко не осмеливалось биться до тех пор, пока его ноги не коснулись дна.

Но самое трудное ждало впереди. Волны захлестывали с головой, дрожащий скользкий канат норовил вырваться из рук, обратное низовое течение мощно тянуло в море, отрывая ноги от дна. В полугоризонтальном положении, не имея возможности отталкиваться от грунта, перебирая канат руками, Кузнецов и Артеменко минут за десять добрались до берега.

Здесь их, выхватив из холодной воды, быстро понесли в тепло пограничного поста. Его начальник – молодой лейтенант рассказал, что пострадавшие из поселка Налычево остаются на заставе, и указал на карте точку побережья, у которой десантному кораблю удобнее всего бросить якорь.

Ночью Кузнецов и Артеменко на десантное судно возвращаться не стали. Дождались утра. К тому времени волны немного ослабли. Офицер и партработник добрались до корабля без ночных приключений.

К указанной на карте точке ДК 104 подошел в 10 часов утра. И снова подойти близко к берегу не позволила песчаная отмель. По словам Артеменко, сушу от корабля отделяли 50–60 метров. Преодолели их тем же способом, что и накануне. Прорезиненные комбинезоны позволили старшинам и матросам корабля П. Н. Бондареву, Л. К.

Лебединскому, В. И. Франову, В. А. Смирнову, В. Я. Бурдину, А. И. Науменко, Н. И. Коробову и Н. Ф. Соловьеву хоть и в изрядно промокшем виде, но все-таки добраться до берега.

Удалось спустить и весельную шлюпку. Но в дико скачущей по волнам лодке детей перевозить не решились.

Четверо матросов, усадив на плечи ребятишек и держась за натянутый канат, неторопливо потянулись к качавшемуся на волнах десантному кораблю. Взрослые с берега напряженно следили за героической попыткой военных моряков спасти их детей…

За несколько ходок матросы и старшины на плечах доставили на корабль без происшествий 13 ребятишек разного возраста. К тому времени, когда их родители тоже оказались на палубе ДК 104, детишек успели напоить чаем со свежеиспеченным хлебом, масла для бутербродов с которым моряки не жалели.

На берегу оставили четырех мужчин для охраны уцелевшего имущества поселка. К тому времени уже стали известны несколько случаев мародерства в пострадавших от стихии населенных пунктах полуострова. Ограничимся двумя примерами.

Сообщал о том, что не бескорыстно исполнили миссию спасателей в бухте Моржовой капитан и экипаж рефрижератора 173, вышедший туда на буксире «Санников» заместитель председателя Камчатского облисполкома С. Ягодинец…

Органы милиции приняли от граждан, вывезенных с Курильских островов, заявление, что во время следования на СТР «Механик Лессовой» у них пропали охотничье ружье, патефон с пластинками и пишущая машинка...

Но в целом для трагических дней ноября 1952 года характерны совсем другие примеры.

С риском для жизни вели спасательные работы моряки моторной шхуны «Поярков» и траулера «Палтус», экипажи которых возглавляли капитаны Е. И. Скаврунский и В. Н. Моисеев. Непростая задача стояла и перед тральщиком № 333 Камчатской военной флотилии под командованием капитана 3 ранга Н. И. Титова. Корабль, не предназначенный для дальних походов, в осенние шторма вышел в море, держа курс на север, в бухту Ольга…

Бухта Ольга, 5 ноября, 18 часов

Начальник Богачевской нефтеразведочной экспедиции В. А. Перваго, главный геолог В. В. Крылов и врач поселка дотащились на тракторе до бухты Ольга только в сумерках. На берегу горели несколько костров. У самого выхода из бухты в Кроноцкий залив светили огни парохода «Салтыков-Щедрин».

Бухта Ольга являлась морскими воротами и базой снабжения Богачевской нефтеразведочной партии, которая вела разведку углеводородов в верховьях реки Богачевки. Поиски нефти начались давно. Пионеры геологоразведывательной партии высадились с борта парохода «Камчадал» на берег Кроноцкого залива еще в 1940 году. Внимание ученых в районе реки Богачевки привлекли выходы на поверхность светлой нефти, о которых на Камчатке знали со второго десятилетия XX века.

С момента начала работы партия пробурила десятки скважин, но ни одна из них не дала практического результата. Признаки присутствия нефти и газа отмечались, а сами углеводороды не обнаруживались. Но светлая нефть, пахнущая керосином, в теплое время года на поверхность земли продолжала поступать, накапливаясь в специальном резервуаре. В конце 1950-х годов пришли к выводу, что дальнейшее бурение бесперспективно, и Богачевка опустела. А нефть продолжает накапливаться в резервуарах по сей день.

Ее качество столь высоко, что поисковики заправляли ею трактора и без всякой очистки заливали в керосиновые лампы и примусы.

Следует признать, что работала Богачевская нефтеразведочная партия плохо. За все время своего существования, с 1940 по 1960 год, она лишь однажды выполнила план по

бурению скважин. И таким прорывным годом стал именно 1952-й.

К этому времени в Богачевке проживали около 800 человек. В поселке работали семилетняя школа, детский сад, имелся врачебный участок. В 1940-х годах рядом с Богачевкой возвели небольшую гидроэлектростанцию. К моменту описываемых событий в Богачевке построили крошечную взлетно-посадочную полосу, рассчитанную на прием самолетов «По-2». Имелась устойчивая радиосвязь с Петропавловском и бухтой Ольга, откуда, как я уже говорил, осуществлялось все снабжение поселка геологов.

Богачевку с побережьем связывала грунтовая дорога. Первые 45 километров пролегали по сухой тундре и возвышенностям, финишные 22 километра – по морской террасе, заливаемой штормами. С июля по октябрь дорогу могли осилить грузовики, все остальное время года по ней передвигались только трактора, которые на санях и перевозили грузы, доставленные пароходами в бухту Ольга. Со временем крохотный поселок на ее берегу, наряду с геологами, начал использовать как базу снабжения и Жупановский рыбкооп.

Капитаны пароходов рейсы в бухту Ольга не любили. Останавливаться приходилось в пяти–шести километрах от берега. Разгрузка шла долго. Погода часто портилась. При свежем ветре суда иногда по нескольку суток маневрировали на траверзе бухты, опасаясь выброски на мель. Случалось, что пароходы уходили, не дождавшись окончания разгрузки.

Но пришедшему в бухту в последних числах октября 1952 года пароходу «Салтыков-Щедрин» повезло. Погода стояла сносная. Укрытые на берегу брезентом горы выгруженного из трюмов парохода промышленного оборудования, продуктов, промышленных товаров росли быстро.

Судно готовилось к отходу. Неотправленных на берег грузов оставалось совсем немного. Зная, сколь непостоянна камчатская погода, капитан на ночь отводил пароход мористее. Утром возвращался на разгрузку.

Ночь с 4-го на 5-е ноября исключением не стала. Капитан вывел пароход за створы бухты. Ночью ни землетрясения, ни цунами на судне не заметили. Тем большим

оказалось шокирующее удивление команды, когда наутро их взглядам открылся опустошенный гигантской волной берег. Продовольствие и промышленное оборудование, доставленное пароходом, цунами унесло в море. Лишь обломки напоминали о большинстве зданий, вечером еще теснившихся на пологом пляже.

По словам уцелевших жителей поселка, на берег бухты Ольга с нарастающей мощностью обрушились три волны. Цунами уничтожило два материально-технических и продовольственный склады геологической экспедиции, хранилища, принадлежавшие Жупановскому рыбкоопу, три жилых дома, строительные материалы, более 2 000 бочек для засолки рыбы…

Увы, не удалось избежать и человеческих жертв. Погибли 9 человек – работники геологической экспедиции и члены их семей: бурильщик Майстренко, кунгасник Субтильный и четверо его детей, жена и ребенок токаря Паршина и прибывшая из Жупановского комбината для устройства на работу женщина, фамилию которой установить не удалось. Жертвами цунами стали также два работника Жупановского рыбкоопа.

Начальник Богачевской нефтеразведочной экспедиции В. А. Перваго, главный геолог В. В. Крылов и врач поселка дотащились на тракторе до бухты Ольга только в сумерках. На берегу горело несколько костров. У самого выхода из бухты в Кроноцкий залив светили огни парохода «Салтыков-Щедрин».

Перваго и Крылов привезли с собой продукты, теплые вещи.

Как мне показалось после знакомства с их донесениями из района стихийного бедствия, руководители экспедиции больше сожалели об унесенных в море продуктах и промышленном оборудовании, чем о погибших людях. Возможно, я ошибаюсь. Но хорошо объяснима тревога начальника партии о 800 жителях Богачевки, которые из-за цунами остались без зимних запасов продовольствия.

Владимир Александрович Перваго, не дожидаясь утра, организовал людей на поиски и спасение грузов. Поначалу жители бухты Ольга воспринимали настойчивость начальника экспедиции чуть ли не как кощунство и пренебрежение трагедией,

постигшей их, но потом втянулись в поиски, забыв на какое-то время о беде.

С наступлением нового дня работа продолжалась.

Отличился старшина катера «Айсберг» Тарасов, который при высокой волне и сильном ветре, методично обследовал берега бухты и прилегавшую к ней акваторию в поисках уцелевших грузов. Но постепенно выдержка и энтузиазм начали покидать жителей бухты Ольга, перенесших трагедию. В. А. Перваго пришел к выводу, что их необходимо отправить в Богачевку, а поисковые и спасательные партии организовывать из жителей центрального поселка. Тем же днем так и было сделано.

Геологов в беде не оставили. Продовольствие завез только что сошедший со стапелей сухогруз «Академик Губкин», а пока он загружался и шел к бухте, продукты жителям Богачевки 7 и 10 ноября сбрасывали транспортные самолеты «Ли-2» и бомбардировщики «Бостон» из состава авиакорпуса генерала Г. В. Грибакина. Министерство геологии СССР направило на полуостров для пострадавших одежду, обувь и деньги.

В Богачевку на «По-2» вылетели главный механик Управления геологии И. А. Гончаренко и заместитель начальника по политчасти В. А. Ашметко. Появление последнего, как ни странно, оказалось дополнительным дестабилизирующим фактором. Вместо того чтобы найти нужные слова и успокоить испуганных людей, он действовал с точностью до наоборот.

Докладная записка начальника Управления МГБ СССР по Камчатскому краю А. Е. Черноштана сохранила для нас слова, которыми геологический замполит внушал «бодрость и спокойствие» подчиненным: «Произошедшее в ночь на 5 ноября землетрясение еще повторится. Это землетрясение аналогично землетрясению 1923 года, которое продолжалось три месяца».

Нестандартный подход товарища Ашметко к воспитательной работе можно было достойно оценить, существуй научно обоснованный сейсмопрогноз. Но откуда он мог взяться, если ученые, как мы уже убедились, знали физические параметры даже прошедшего землетрясения в общих и приблизительных характеристиках? К счастью, «прогнозы» товарища Ашметко не подтвердились.

Впрочем, вернемся к тем, кто в экстремальных ситуациях не терял способности здраво мыслить и действовать.

Мыс Шипунский, 5 ноября 1952 года, около 16 часов

Хорошо откормившийся летом и осенью медведь смотрел беззлобно и, как показалось Федору, даже растерянно. Скорее всего, его из берлоги, куда он успел залечь в спячку, как и людей из их жилищ, выгнало землетрясение. Однако дорогу зверь человеку уступать не собирался.

Белошицкий, миновав северные склоны горы Лава, некоторое время шел вдоль Бараньего ручья, сбегающего в Авачинский залив. Затем пришлось повернуть налево и вновь подниматься вверх. Федор шагу не сбавлял, хотя по мере приближения к перевалу подъем становился все круче, а усталость давала о себе знать все больше, но быстрая ходьба помогала не замерзнуть. Чьи-то найденные им на берегу короткие штаны, надетые поверх мокрых кальсон, и нательная рубаха слабо защищали от злых порывов ноябрьского ветра, который здесь, на высоте, казалось, дул со всех сторон. Хотелось остановиться, спрятаться где-нибудь между камней, передохнуть минут двадцать.

Но Федор знал, что после такой остановки он вряд ли сможет заставить себя подняться. Смерть к замерзающему человеку подступает ласкающей истомой сна, от которого нет никакой возможности освободиться. А гибель Федора означала бы и конец для людей, оставшихся на берегу бухты. Требовалось идти во что бы то ни стало… До перевала уже рукой подать, а там станет легче…

Бухта Большая Жировая

Камчатка, как ни поэтизируй ее красоты и богатства, – сурова. Уже одно расположение полуострова на огненном кольце Тихого океана делает жизнь здесь сродни игре в «русскую рулетку». Рано или поздно вращение барабана времени приводит к «роковому выстрелу» стихии, как случилось в ноябре 1952 года. Живущего на Камчатке человека

подстерегают и другие опасности, которые не замедлят покарать за пренебрежение к ним.

Когда в конце 1930-х годов начали возводить поселок рыбзавода «Жировая» в одноименной бухте, его постарались максимально приблизить к крутым склонам сопки, способной защитить производственные и жилые строения от сильных ветров. И некоторое время казалось, что принято оптимальное решение… Пока не напомнили о себе снежные лавины. Первая из них сошла в ночь с 8 на 9 марта 1947 года. Она снесла несколько зданий поселка, но люди не пострадали.

Грозному предупреждению не вняли, поселок не перенесли, и трагедия ждать себя не заставила.

25 февраля 1948 года лавина погребла под собой три барака, в которых согласно официальным документам проживали 154 человека – взрослые и дети. Рабочим и военнослужащим, прибывшим на следующий день в бухту на ледоколе, удалось спасти далеко не всех. Под снегом погибли 54 человека. Еще 11 жителей Жировой получили тяжелые травмы. Все ли из них выжили – неизвестно.

С Жировой связана еще одна зловещая тайна, которая остается неразгаданной до сего дня.

12 января 1952 года, разгрузившись в бухте, в Петропавловск-Камчатский направился принадлежавший Управлению тралового флота паровой траулер «Восток». Его капитан радировал, что намеревается появиться в порту около полуночи. Но траулер в Петропавловске не появился и вечером следующего дня. А уже 13 января в районе бухт Большая Лагерная и Малая Лагерная пограничники начали находить обломки судового снаряжения с надписями «Р/Т «Восток». Чуть позже наряд у устья реки Раковая обнаружил тело поварихи траулера Анны Твороговой. Других следов кораблекрушения, позволявших установить причины трагедии, найти не удалось. Высказывалась версия, что «Восток», войдя в Авачинскую губу, наскочил на мину, оставшуюся со времен войны. Версия сомнительная. Пограничники, которые несли службу на мысе Маячном, взрыва не слышали, а известно, что грохот морской мины разносится на десятки километров вокруг.

Уже в наши дни, 8 февраля 2009 года, снежная лавина вновь обрушилась на обитателей бухты Жировая. Там находились рыбоводный цех и промысловая сезонная база общества с ограниченной ответственностью «Фомерон». Один из работников предприятия погиб.

Здешние места связаны и еще с одной давней трагедией, которую от нас отделяют уже более двухсот лет.

В ноябре 1811 года в бухте Вилючинской затонула бригантина Российско-Американской компании «Юнона». Да, то самое судно, купленное в свое время у американцев графом Н. П. Резановым, и известное нам по замечательной рок-опере Алексея Рыбникова «Юнона и Авось». Имя графа овеяно ореолом романтики благодаря горячей любви к нему дочери испанского коменданта Сан-Франциско Марии Консепсьон де Аргуэльо.

Впрочем, то, что произошло осенью 1811 года в бухте Вилючинской, начисто лишено романтики. Вместе с бригантиной погиб почти весь ее экипаж. Удалось спастись троим матросам.

Известный русский писатель и путешественник Кирилл Тимофеевич Хлебников, находившийся в то время в Петропавловске-Камчатском, так рассказывал о судьбе уцелевших матросов:

«Они нашли бывших там за ловлею рыбы наших людей и ими сюда доставлены. Ужас объял меня при сем горестном и плачевном известии. На другой день мы поехали на гребных судах к месту кораблекрушения, и какое поразительное зрелище нам представилось! Прилив с моря по речке Вилюче поднимался более трех верст, и на всем том пространстве находили разнесенные течением мертвые тела или оторванные и искаженные части их, заметенные песком и опутанные морским поростом; иных находили зацепленных за деревья. Но всего ужаснее было видеть поднятых и заброшенных в ущелины между каменьями, рукою или ногою и всем телом висящих в воздухе. Девять тел были собраны и погребены, и участь, постигшая мореплавателей, тронула нас до глубины сердца».

(Продолжение следует)